

Рубен Ашрафиан

Три встречи

В начале сезона я придерживался сугубого официоза в одежде, появляясь на пляже в сером костюме, некогда выигранном в карты у известного гинеколога. К этому костюму у меня имелся шелковый итальянский галстук из гардероба отца, а также важный аксессуар – потертый крокодиловый портфель, купленный по случаю на Староконном базаре. В портфеле отлично помещались все пляжные принадлежности: бутылка белого вина «Фетяска», две карточных колоды, махровое полотенце с символикой Олимпиады-80 и последний номер журнала «Иностранная литература», о назначении которого я расскажу позже.

Осмотрев пляж с высоты парапета, я заметил одинокое создание, облагораживающее собой флаг какого-то африканского государства. Радуя немногочисленных еще пляжников, девушка загорала без верхней части купальника. Грудь ее показалась мне более чем достойной, а вот лица рассмотреть не удалось – оно было скрыто под широкополой шляпой. Что ж, *topless oblige*, как говорят лондонские денди. Не тратя времени даром, я направился прямо к цели и строго произнес:

– Девушка, немедленно оденьтесь. Что это вы возомнили? Тут дети ходят...

Девушка, приподняв шляпу, с любопытством посмотрела на странного субъекта в костюме, да еще и с портфелем в руке.

– Надевайте лифчик, иначе буду вынужден удалить вас с пляжа, – не унимался я, для убедительности продемонстрировав красное исполкомовское удостоверение.

– А можно я просто перевернусь на животик? – кокетливо спросила она, поправляя выбившиеся рыжие пряди.

– Ладно уж, – смягчился я, к рыженьким у меня всегда было особое отношение, – переворачивайтесь. Но учтите, я буду недалеко и буду за вами наблюдать.

С этими словами я не спеша разделся, аккуратно разместив вещи на топчане, сам же улегся на полотенце и раскрыл наугад «Иностранную литературу». Журнал служил верной приманкой для интеллектуальных барышень. (Впоследствии его место на подстилке заняла книжка «Как покупать акции».) Тем временем моя подопечная достала из пляжной сумки выдавший виды томик Есенина и погрузилась в чтение. Ее кукольное личико слабо гармонировало с развитой фигурой спортсменки, однако по пятибалльной шкале она заслуживала твердую четверку, плюс полбалла за грудь нечастого размера...

Через какое-то время мы встретились глазами, поулыбались друг другу, и я галантно предложил выпить вина, предварительно охладив бутылку у кромки моря. Девушка легко согласилась, но тут на горизонте возник сосед по даче Ян Кофман, загорелый левантийский бог с золотой цепью и рельефной мускулатурой, как видно, сошедший на песок этого пляжа мне в назидание. Девушка мигом вскочила, подлетела к нему навстречу, и они принялись жарко обниматься. Слишком жарко и слишком долго. Я отвернулся: конкурировать с богами бессмысленно...

Ближе к вечеру я вновь встретил Яна. Он прогуливался по набережной в Аркадии в компании знакомых мне москвичек. Стараясь не выказывать чрезмерной заинтересованности, я спросил о рыжеволосой девушке.

– Наденька? Обалденно исполняет, – ответил он, ничуть не смущаясь спутниц...

Прошло несколько месяцев. Однажды моя начальница в отделе по труду, пребывая в дурном расположении духа, не отпустила меня на плановую проверку химчисток. Вместо этого пришлось спешно выехать в районный городок К, чтобы выяснить условия содержания студентов, собиравших урожай на тамошних колхозных полях. Командировка запомнилась ночными карточными баталиями с военными летчиками, соседями по гостинице, а также беспробудным пьянством днем. Вместо того чтобы тащиться на поля, я вызвался помочь своему коллеге Гоше из облсовпрофа

в проверке местного спиртзавода. Впрочем, на поле я все-таки побывал – однажды за три дня, отведенные мне на командировку, и то в последний день.

Водитель Митрич, приставленный ко мне вместе с трактором неизвестной породы, разводил пары под гостиничными окнами. Мне не спалось то ли из-за табачного дыма, стоявшего столбом после ночной игры, то ли оттого, что победа в этот раз была особенно убедительной, то ли в конце концов заговорила совесть. Как бы то ни было, я решил ехать. Трактор взревел, и мы покатили по дорогам, совершенно не приспособленным для любого другого транспорта.

Никогда еще райцентр не видел подобного зрелища: на седоке была широкополая шляпа и длинный бежевый плащ с кожаным воротником, вдобавок я курил толстенную сигару, время от времени пугая ею Митрича, так и норовившего заснуть за рулем.

Дорога на колхозное поле заняла более двух часов: трактор ломался, но с божьей помощью мы, наконец, добрались.

Стоило спешиться, как студенты обступили меня плотным кольцом и принялись жаловаться на жизнь, перекрикивая друг друга. Я вытащил из крокодилового портфеля блокнот и стал добросовестно записывать все нарекания. Тут раздался знакомый девичий голосок:

– Пропустите! Пропустите меня к нему, я хочу видеть этого человека!

Сквозь толпу протиснулась моя пляжная знакомая, любительница поэзии Есенина. Бесформенная куртка поверх грубого свитера и спортивные шаровары делали ее куда менее сексуальной.

– Немедленно увози меня отсюда! Я здесь погибну, и это будет на твоей совести, – девушка готова была расплакаться.

– Ладно, считай, что ты уже дома, – и я обратился к стоящему неподалеку преподавателю: – Надежду я забираю. Она необходима для исполнения функций...

– Конечно-конечно, – не дослушав, согласился преподаватель. – Мы и сами здесь долго не продержимся. В таком-то свинстве.

Я влез на трактор, протянул Наде руку и усадил ее себе на колени. После чего мы с Митричем двинули к колхозной управе. Председатель долго вертел в руках мое удостоверение, не по-

нимая, в чем, собственно, дело, а я твердым прокурорским голосом зачитывал пункты из ежедневника. Когда я дошел до пункта «Студенток после танцев насилуют местные черти», Надя сделала шаг вперед, выставила грудь и с обидой в голосе произнесла:

– Вот, посмотрите, меня тоже хотели изнасиловать, еле отбилась...

– Да вы садитесь, товарищи, – пришел наконец в себя председатель колхоза. – Сейчас все будет. Любаша! – кликнул он не очень опрятную женщину из приемной. – Неси обед на три персоны, тут начальство приехало.

Я выразительно посмотрел на свою подопечную и махнул рукой. Первым делом Любаша поставила на середину стола бутылку с самогонкой, затем стали появляться соленья, колбасы, голубцы и т. п. Естественно, не обошлось без кастрюли с дымящимся борщом. Для голодных восьмидесятых – целый пир. Застольная беседа, впрочем, не была особо содержательной: я рассказывал анекдоты, Наденька декламировала Есенина, а председатель, накинув пиджак с орденскими планками, привычно делился с молодежью фронтовыми воспоминаниями. Бутылку, однако, мы допили. Председатель послал Любашу еще за одной, но тут уж я наотрез отказался. Следовало поскорее возвращаться: моим героическим летчикам был обещан матч-реванш. Тогда гостеприимный хозяин на дорожку троекратно облобызал Надю, а мне подарил роскошно изданный том сочинений Л.И. Брежнева.

Митрич, по обыкновению, кемарил на козлах. Растолкав его, я вновь усадил девушку на колени, как бы невзначай прихватив ее выдающуюся грудь, и мы тронулись. Самогон подействовал как следует, а постоянная тряска навевала определенные мысли. В конце концов Наденька, посапывавшая у меня на плече, соприкоснулась со мной губами... А еще через полчаса езды по пустынным проселочным дорогам, когда мы уже расстегнули друг на друге все, что только могло расстегиваться, я велел Митричу съехать на обочину и остановиться. Затем увлек девушку к большому тракторному колесу и овладел ею в незатейливом колхозном стиле. Кругом простирались бескрайние поля, над полями кружило воронье, и прохладный ветерок трепал рыжие кудряшки на ее затылке...

В райцентр мы вернулись поздно. Летчики уже ждали на пороге гостиницы.

– Ахтунг! В небе Покрышкин! – радостно заорал я с вертоуры транспортного средства. Впрочем, перед тем как запустить клиентов в номер, успел дать инструкции Наденьке, которая превосходно справилась с поставленной задачей. Надо было видеть выражения лиц, когда они обнаружили в моей кровати едва прикрытую простыней нимфу, отдыхающую в пикантной позе. Коварный план сработал: осатанев от Наденькиных прелестей, летчики стали заказывать рискованные игры и вообще потеряли нить. В итоге им не хватило денег, чтобы рассчитаться. Благородно простив значительную часть их проигрыша, я забрал в виде компенсации фуражку с голубым околышем. Когда гости нехотя уходили, все еще косясь на спящую красавицу, в дверях с бутылкой коньяка возник профсоюзный деятель Гоша. Завидев девушку, он выскочил из комнаты, однако вскоре вернулся с коробкой шоколадных конфет, непонятно где раздобытых среди ночи. Мы принялись обмывать мой отъезд, Наденька охотно присоединилась, задрапировавшись в покрывало и кокетливо надев набекрень трофейную фуражку...

Когда я открыл глаза, часы показывали начало первого. Это значило, что до одесского поезда оставалось не более получаса. Я попытался растормошить девушку, но она пролепетала что-то о черном человеке, забравшемся к ней в постель, и повернулась спиной. Пришлось сдавать ее на ответственное хранение лидеру профсоюзов. Гоша был вне себя от восторга и торжественно поклялся доставить Наденьку в Одессу на служебной «Волге». В знак признательности он сунул мне бутылку двадцатилетнего коньяка, разлитого якобы специально для членов правительства. Мы обнялись на прощанье, затем я погрузился на трактор и помчал в сторону вокзала.

Следующая встреча произошла через целых двенадцать лет в совсем другой стране. Советский Союз успел рухнуть, и народное добро расхищалось всеми кому не лень. Я трудился на теневом рынке финансовых услуг, а вечерами посещал модные клубы в Аркадии. Нравы, как это бывает в эпоху перемен, царили самые

разнузданные: любовь продавалась по умеренным ценам, и желающих продаться было хоть отбавляй.

Поначалу вечер ничем не отличался от всех прочих. Я занимал излюбленную позицию у барной стойки буквально в двух шагах от мерцающего огоньками моря и меланхолично напивался «Джек Дэниелсом». На танцполе извивались красивые девушки, так что сконцентрироваться было непросто.

– Котенок, поехали уже куда-нибудь, – капризно сказала вышедшая из моря Лола и стала тщательно выжимать трусики, потом запихнула их в сумочку и неуклюже бросилась мне на шею.

– Господи, поосторожнее! Видишь, я разлил...

– Хватит бухать, котенок. А то ничего не сможешь.

Она схватила меня за руку и потянула к выходу, вызывая неприязненные взгляды подруг. Пока мы возвращались по аркадийской аллее, я несколько раз забирался в кусты, где меня выворачивало наизнанку. Видимо, виноват был «паленый» виски. Смешно сказать, это обстоятельство сохранило мне в итоге жизнь... Таксист на белой «Волге», завидев нетрезвую парочку, заломил цену, но мне было все равно. Лола забралась на заднее сиденье с ногами и начала расстегивать мои джинсы. Чертов водила, видимо, подглядывал в зеркало, вместо того чтобы следить за движением, – на полном ходу мы врезались в джип, притормозивший на перекрестке. Из джипа, как черти из табакерки, выскочили молодые кавказцы, выволокли нас с таксистом на тротуар и принялись жестоко избивать. Лоле удалось выскользнуть через левую дверцу. Я видел, как она, прихрамывая, бежит на другую сторону проспекта.

В это время из расположенного неподалеку ресторана вывалила целая толпа – поглазеть на дорожное происшествие. От толпы отделилась какая-то фигура, раздался женский крик:

– Не троньте его, это мой муж! Я всех запомню!

Избивавшие меня тут же остановились и позволили некто-сти появившейся жене оказать первую помощь. Девушка стала осторожно вытирать платочком кровь с моего лица. Во мне же клокотала пьяная злоба. Я грязно материл обидчиков и не заметил, как из темноты подскочил коренастый кавказец, выхватил нож и всадил его мне в живот.

– Муж, говорыш? – бросил он с презрением. – Тогда похороньш его!

Дальнейшие события помню смутно. «Скорая», включив сирену, везла меня в больницу, а девушка сидела рядом, положив ладонь мне на лоб... Еще – свет ламп в операционной...

Около недели я провел в реанимации, однако же выкарабкался. Когда меня переводили в обычную палату, первой, кого я увидел в больничном коридоре, была моя рыжеволосая спасительница. Наденька! Она изменила прическу, подстригла волосы довольно коротко, в остальном же время почти не коснулось ее. Разве что теперь передо мной находилась прекрасная молодая женщина, а не девчонка-второкурсница. Что ж, нам было о чем поговорить.

Та поездка в колхоз оказалась в Наденькиной жизни решающей. Гоша, влюбившись без памяти, поселил ее в просторной квартире на Пушкинской, и вскоре она родила замечательного сына, которого назвали Алексеем. Любопытно, не в мою ли честь? Бросив институт, Наденька полностью отдала себя семье, Гоша ушел в бизнес, и жизнь приносила сплошные удовольствия до тех пор, пока он с компаньоном не отправился по коммерческим делам во Владивосток, где их застрелили. Надя впала в жуткую депрессию, от которой до сих пор не вполне оправилась, хотя и прошло без малого два года. В довершение бед на счетах Гошиной фирмы денег не оказалось, а те, что хранились дома, быстро закончились. Хорошо, добрые люди помогли устроиться барменшей как раз в то самое заведение, рядом с которым и разворачивались события.

Я слушал ее рассказ и чувствовал себя героем телесериала. Для завершенности сюжета оставалось жениться, что я и сделал по прошествии нескольких недель. Алешку, естественно, усыновил. Он и впрямь оказался отличным пацаном: в одиннадцать лет имел разряд по шахматам, так что соревноваться с ним в эту игру было бесполезно. Зато мы на равных играли в нарды. Летом, приехав с утра на пляж, мы раскладывали доску и азартно сражались, вызывая рассчитанный интерес публики...

День рождения Наденьки отмечали скромно, что называется, в тесном семейном кругу. Алексею было позволено выпить бокал

шампанского, потом я отправил его спать. Тогда Наденька появилась из-за ширмы в моем подарке – черном шелковом белье из Франции – и привычно устроилась у меня на коленях... Позже, когда я вышел перекурить на балкон, она обняла меня сзади и смущенно призналась:

– Знаешь, а я ведь до сих пор не уверена, от кого Алешка. Тогда все так быстро закрутилось... Мне кажется, что у него твой нос.

– Конечно, любимая, – рассеянно ответил я. – Нос – это очень важно...

